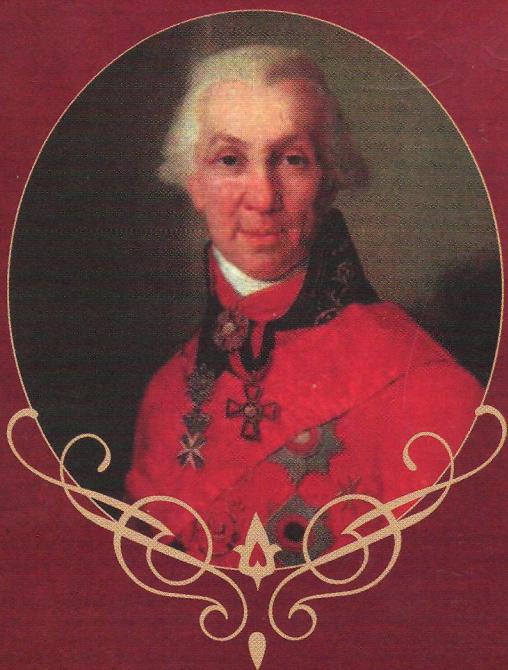

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЖУРНАЛ
НАУЧНО - ТЕОРЕТСКО И ПРИМЕНЕНО СПИСАНИЕ**

година IV, број 8, Свети Николе, февруари 2014 година

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ**
**КУЛТУРНО-ИСТОРИСКИ
ПРОЦЕСИ И ПОЈАВИ**

ВЫПУСК 8, 2014

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЖУРНАЛ
НАУЧНО-ТЕОРЕТСКО И ПРИМЕНЕТО СПИСАНИЕ

***

«КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ»
«КУЛТУРНО-ИСТОРИСКИ ПРОЦЕСИ И ПОЈАВИ»

***

КОРПОРАТИВНЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЛАВЯНСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

***

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЛАВЯНСКИЙ ИНСТИТУТ «ГАВРИЛО РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН» (Македония)
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА (Россия)

***

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА

ВЛАДИСЛАВ ЮРЬЕВ – доктор экономических наук, профессор, ректор Тамбовского
государственного университета имени Г.Р.Державина (Россия)

***

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ЙОРДАН ГЁРЧЕВ – Почётный профессор Тамбовского государственного университета
имени Г.Р.Державина (Македония)

***

ШЕФ-РЕДАКТОР

ЮРИЙ ЗУСМАН – кандидат педагогических наук, доцент, зам. начальника УМС
Тамбовского государственного университета имени Г.Р.Державина (Россия)

***

ШЕФ-РЕДАКТОР

БОРЧЕ СЕРАФИМОВСКИ – ген. директор ПВУ МСИ имени Г.Р.Державина (Македония)

Издава: Меѓународен центар за славјанска просвета,
директор Сања Стојанова, Свети Николе
улица «Маршал Тито 77», 2220 Свети Николе, Република Македонија
тел.: ++389(0)32 440 330; факс: ++389(0)32 440 201

Излегува три пати годишно.

Наслов: «КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ»
«КУЛТУРНО-ИСТОРИСКИ ПРОЦЕСИ И ПОЈАВИ»

Научно-теоретический и прикладной журнал

Научно-теоретско и применето списание

Година IV, Број 8, Февруари 2014, Свети Николе, Република Македонија

Тираж: 500 примероци.

www.slavinst.edu.mk; msisvnikole@yahoo.com; info@slavinst.edu.mk

ISSN 1857-7237

СОДРЖИНА

СУБЪЕКТЫ ВЛАСТИ В МАЛОМ РОССИЙСКОМ ГОРДЕ: КОНФИГУРАЦИЯ ОСНОВНЫХ ФАКТОРОВ И ВЛАСТНАЯ ИЕРАРХИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРОСС-РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)	5
Алла Евгеньевна Чирикова, Валерий Георгиевич Ледяев, Дмитрий Григорьевич Сельцер	
ВОСПРИЯТИЕ КИНО КАК АВТОКОММУНИКАТИВНОЙ СИСТЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ АВТОРСКОГО КИНО)	11
Дина Викторовна Белинская, Юлия Сергеевна Шиндяпина	
РОЛЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ	18
Ирина Анатольевна Задонская	
ЖИЗНЬ СТУДЕНТА РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ	22
Игорь Алексеевич Слетков	
ОБРАЗ РОДИНЫ В КОНТЕКСТЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	29
Елена Людвиговна Яковлева, Светлана Валерьевна Гузенина	
ТЕНДЕНЦИИ НА ИНТЕЛЕКТУАЛНОТО ВОСПИТАНИЕ Ѓ. Т. Ђимова	34
МЕНТАЛНО ЗДРАВЈЕ ВО ЗАЕДНИЦА Проф. Др. Диана Белевска, Mr. Маја Лутовска Ристеска	39
КУЛТУРАТА И ЕСТЕТСКОТО НА ПОЧЕТОКОТ НА 21 ВЕК Проф. Кети Арсовска Несторовск, Марина Кузмановска	43

35.076/. 077.6
352. 076/. 077.6

Алла Евгеньевна Чиркова

Институт социологии Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация, доктор социологических наук

Валерий Георгиевич Ледяев

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, доктор философских наук, профессор кафедры анализа социальных институтов

Дмитрий Григорьевич Сельцер

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений и политологии

СУБЪЕКТЫ ВЛАСТИ В МАЛОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ: КОНФИГУРАЦИЯ ОСНОВНЫХ ФАКТОРОВ И ВЛАСТНАЯ ИЕРАРХИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРОСС-РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹⁾)

Аннотация. Кто обладает наибольшим потенциалом влияния в городе? Мэр и его окружение? Руководители городской и/или районной законодательной власти? Руководители крупнейших (местных и/или внешних) экономических структур? Представители публичной власти более высоких уровней? В каких сферах их влияние наиболее значительно? Как выстроены отношения между ними? Обладают ли они – по отдельности или в коалиции – фактической монополией на принятие важнейших решений в городском сообществе или же власть в той или иной степени рассредоточена между основными факторами, а иерархия не является жесткой и однозначной? Могут ли они подчинять друг друга с помощью принуждения, авторитета и/или других методов воздействия? Насколько конфигурация наиболее влиятельных факторов в российском городе отличается от зарубежных аналогов? Эти и другие вопросы входили в задачи исследования, проведенного авторами статьи.

Ключевые слова. Малый город, факторы, мэр, городская Дума, бизнес, неформальные сообщества, силовики, властная иерархия, распределение власти, властные коалиции, глубинные интервью.

Апстракт: Кој го има најголемо потенцијално влијание во градот? Градоначалникот и неговата придржба? Раководителите на градот и / или на регионалната законодавна власт? Раководителите на големите (локални и / или надворешни) економски структури? Претставници на јавните власти на повисоките нивоа? Во кои се области нивното влијание е најзначајно? Како се изградени односите меѓу нив? Дали тие поседуваат- индивидуално или во коалиција - виртуелен монопол за усвојувањето на клучните одлуки во урбаната заедница или моќ во различни степени, дисперзирани меѓу главните фактори, а хиерархијата не е нефлексибилна и недвосмислена? Можат ли тие да ги потчинаат едни на други со помош за присилба, на авторитет и / или други методи на влијание? Колку конфигурацијата на највлијателните фактори во рускиот град е поразлична од нивните странски аналоги? Овие и други прашања

¹ Статья написана в рамках проекта «Механизмы и факторы принятия решений: прикладное исследование (на материалах городов европейской части России)» (шифр – 2010-1.1-306-127) ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Были изучены 6 городов Тамбовской, Рязанской областей и Пермского края.

се вклучени во целите на истражување спроведена од страна на авторите на статијата.

Клучни зборови: Мал град, фактори, градоначалникот, градскиот совет, бизнис неформални заедниците, безбедносните сили, надмоќна хиерархија, поделба на власта, мокта на коалицијата, длабочината на интервјуа.

Обицне замечания. Исследование показало, что, даже с учетом небольших размеров изучаемых городских сообществ, круг влиятельных факторов очень ограничен. Причиной тому является не только общий относительно неблагоприятный (для либеральной плюралистической политики) политический климат, заданный авторитарной ситуацией в обществе в целом. По-видимому, сказывается и культурный (человеческий) фактор: в небольших городах значительно меньше людей, обладающих достаточным лидерским (человеческим) потенциалом. Кроме того, в маленьких городах объективно меньше тем, способных политизировать население, а потому и меньше потенциал гражданского общества (в его связи с политическим), что естественным образом сужает пространство локальной политики, по сути, ограничивая его местными элитами из сферы публичной власти и бизнеса. Факторы гражданского общества либо практически отсутствуют, либо занимают маргинальные позиции. Хотя потенциал недовольства и протesta весьма значительный, респонденты признали, что в исследуемых городах «активных людей нет».

Исследование подтвердило мнение российского экспертного сообщества о том, что лидерская позиция в органах исполнительной власти представляется едва ли не наиболее сильной с точки зрения влияния на ключевые аспекты городской политики [Рябова, Витковская, 2011: 118-119].

Высокий потенциал влияния мэра – высшего должностного лица в городе, обусловлен не только широким набором формальных ресурсов, но и рядом других факторов – институциональных, персональных, политico-культурных. Важнейший «дополнительный» ресурс мэра заключается в том, что именно он более других локальных факторов связан с влиятельными персонами регионального и федерального уровней, что часто имеет решающее значение для эффективного решения локальных проблем. Речь, в данном случае идет не

только о финансовой поддержке сверху (хотя этот фактор представляется наиболее важным), но и об организационных связях, позиционирующих мэра как представителя локальной политической элиты. Кроме того, у мэра есть мощный административный ресурс – реальные возможности использовать в качестве инструментов своего влияния локальные организации публичной власти, не находящиеся в сфере его подчинения – пожарная, санитарная, энергетическая инспекции и пр. Последнее обстоятельство придает структуре власти определенную специфику: лидерство мэров обычно не вызывает серьезных сомнений и во многих американских и европейских городах (достаточно вспомнить фигуру мэра Ли в Нью-Хэйвене, исследованном Р. Далем), но в конфигурации ресурсов административный ресурс, судя по всему, не занимает там столь значительного места.

С другой стороны, лидерство мэров в исследуемых городах не было автоматическим, структурно заданным и связанным исключительно с позицией в формальной структуре власти. Во многом оно зависело от их персональных качеств и усилий, прикладываемых для поддержания и укрепления власти и влияния. Респондентами отмечаются как персональные качества мэров – энергия, умение выстраивать отношения с другими факторами, авторитет у различных кланов в структурах муниципальной власти, бизнесменов и членов своей команды, так и определенные достижения (например, в благоустройстве территории) – обеспечили их поддержку среди представителей местной элиты и населения города.

Насколько типична ситуация, когда именно мэры (а не руководители районного масштаба, местной легислатуры или бизнеса) имеют наиболее тесные связи с факторами более высоких уровней? Исследование не дает оснований однозначно ответить на этот вопрос, но в данных конкретных городах именно мэры оказались наиболее успешными во «внешней политике». В список наиболее

влиятельных субъектов локальной политики не были включены внешние по отношению к городским сообществам факторы регионального и федерального уровней. Исследование показало, что последние, хотя и обладают серьезными возможностями оказывать воздействие на ситуацию в городах, обычно остаются на заднем плане. Поэтому их следует рассматривать скорее как некий структурный фон, силовое поле, а в некоторых случаях – как ресурс определенных местных факторов, использующийся ими для достижения своих целей.

Исследование показало, что вышестоящие инстанции обладают реальными возможностями осуществлять форматирование городского политического пространства и разрешать ситуации в своих интересах с помощью, например, административных и финансовых ресурсов. Особенно если речь идет о ключевых политических или экономических вопросах. Однако их вмешательство в городские дела было эпизодическим. Это свойственно не только факторам федерального уровня (для них маленький город уж слишком незначителен в контексте их интересов), но и губернатору, и его окружению («региональная власть в городе заметно не присутствует»). Опрошенные нами представителей местной элиты уверены в том, что если территория не интересна вышестоящим структурам, то нет и эффекта «дублирующего воздействия» со стороны губернатора и его команды («у нас не так много денег, чтобы быть интересными губернатору»). Тем не менее, присутствие губернаторского фактора ощущалось во всех примерах.

Как и ожидалось, *представительные институты локального уровня* – депутатский корпус, партийные и общественные организации – заметно уступают по потенциалу влияния лидерам исполнительной власти практически во всех основных аспектах и сферах городской политики. Это не только неизбежное следствие и проявление сильной авторитарной составляющей российской политики и, соответственно, ограниченных возможностей демократических институтов, но и результат слабой общественной ориентации в деятельности их представителей, по сути деформирующей их изначальные функции и предназначение. Исследование подтвердило предположение о том, что местные легислатуры фактически используются для извлечения

личной выгоды с помощью лоббирования и фактически не стремятся реально влиять на ситуацию в городе. Большинство их членов, как отмечают представители локальной элиты, представляют собой явный балласт и фактически не вносят вклад в формирование ее коллективного властного потенциала. Поэтому думы в изученных нами городах «менее влиятельны, чем можно было бы ожидать», учитывая тот факт, что именно от них зависит местное законодательство («они делают законы») и (формально) решение многих значимых проблем. Имеет место то, что теоретики называют отсутствием должной мобилизации ресурсов власти [Wrong, 2002]. Слабость легислатур связана и с низким персональным авторитетом представителей депутатского корпуса, в том числе у его руководства. Как правило, среди них нет потенциальных лидеров.

Еще слабее выглядят позиции местных *партийных структур*. Даже партия власти сама по себе не в силах серьезно влиять на городскую политику, используя имеющиеся у нее формальные ресурсы партийного контроля, а скорее зависит от акторов первого уровня. Местные партфункционеры имеют приблизительно те же ориентации («все тут «бизнесмены», работают на себя»; ЕР не занимается ничем иным, кроме распила денег»), что и депутаты. Это естественно ограничивает политический потенциал партийных структур, который, как и потенциал местных легислатур, оказывается не (вполне) политически мобилизован. При этом, по оценкам информантов, наблюдается устойчивая тенденция снижения авторитета партии власти и ее поддержки населением. В итоге основным ресурсом локальных партструктур остается их относительная близость к исполнительной власти и, соответственно, возможность использования административного ресурса.

Местный (малый) бизнес во властной иерархии занимает несколько более высокое место, чем партийные структуры. Но в целом его потенциал влияния относительно невелик и никак не сопоставим, например, с ролью бизнеса, обнаруженного в классических исследованиях Линдлов в Миддлтауне или Хантера в Атланте, где в связке «политики – бизнесмены» последние явно лидировали. Однако превалирование публичного сектора над частным в структуре власти в городских сообществах отнюдь не является российской

спецификой, о чём свидетельствует, в частности, опыт эмпирического исследования власти в европейских городах. В Европе более значимая роль городских политико-административных элит обусловлена централизованной (по сравнению с США) системой государственного управления в целом, сравнительно небольшой долей финансирования городских проектов и кампаний из местных источников, наличием сильных партийных структур, в том числе левой ориентации и рядом других факторов. И хотя в последние десятилетия наблюдалась тенденция к некоторому возрастанию влияния бизнеса, ключевые решения по основным вопросам развития города продолжают принимать политические лидеры [Ледяев, 2012: 393-417].

В России при всем внешнем сходстве структурных факторов (речь, прежде всего, идет о зависимости локальных бюджетов от региональных и федеральных источников и выстроенной в последнее десятилетие централизованной системы государственного управления) доминирование политико-административных элит обусловлено, на наш взгляд, не столько характером взаимоотношений между уровнями публичной власти, сколько большими возможностями представителей местной власти использовать имеющиеся у них ресурсы воздействия на потенциальных и реальных оппонентов. Слабость правовых начал и системы контроля деятельности чиновников позволяет им не только опираться на формальные (предусмотренные законом) полномочия, но и иные ресурсы, доступ к которым в правовом государстве ограничен, запрещен или блокируется выстроенной системой сдержек и противовесов. «Административный ресурс» подчас играет решающую роль в выстраивании реальной властной иерархии в городском сообществе в пользу тех, кто его использует.

Однако, как отмечают информанты, слабость малого (местного) бизнеса как фактора городской политики связана и с тем, что он не осознает общих (политических) целей и слабо интегрирован [John, Cole, 1998: 388-389] считали интегрированность (бизнеса одним из условий, способствующих складыванию городских режимов стоуновского (кросссекторального) типа); отсутствуют какие-либо формальные организаций бизнеса и неформальные

объединения, подобные объединениям в хантеровской Атланте. Поэтому малый бизнес практически не в состоянии играть роль самостоятельного актора городской политики и, как мы увидим далее, в ряде аспектов оказывается скорее объектом власти, а не ее субъектом.

Крупный бизнес обладает более высоким потенциалом влияния, однако это скорее социально-экономическое, а не политическое влияние. Тем не менее, анализ неформальной структуры власти дает основание говорить о том, что если крупный бизнес захочет вмешиваться в пространство городской политики, то его ресурсы влияния на ситуацию в городе будут вполне сопоставимы с ресурсами местной и даже областной/краевой власти. Судя по всему, крупный бизнес не связывает свои интересы с локальным политическим пространством и его включенность в него весьма ограничена и мало заметна в публичном пространстве. Однако, несмотря на «на политику невмешательства» со стороны влиятельных бизнес-игроков, ссориться с крупным бизнесом не хочет ни один глава города.

Трудно оценить роль *силовых структур* (МВД, ФСБ) в локальной политике – и в силу их особой закрытости, и потому, что по формальным основаниям они являются деполитизированными структурами государства. Но очевидно, что в российской реальности деятельность «людей в погонах» отнюдь не всегда ограничена прописанными им обязанностями. Не совсем ясно, насколько данный сектор влиятелен сам по себе (то есть независимо от представляющих его персоналий, как это имело место в латиноамериканских городах в период исследования Д. Миллера [Miller, 1970], или это влияние связано главным образом с персональными характеристиками и ресурсами отдельных представителей этого сектора). Между администрациями и силовыми структурами сформировались тесные (персональные) связи, укрепляющие авторитет и потенциал влияния силовых структур. Кроме того, силовые структуры активно используются для воздействия на бизнес.

Еще труднее оценить роль *криминальных структур*, хотя материалы, полученные в ходе интервью, свидетельствуют об его присутствии в политической жизни городов. В постсоветской России в деятельности

криминальных структур прослеживается определенная логика. На первом этапе своего существования они зарабатывают деньги. На втором – пытаются легализовать накопленный капитал. А на третьем – стремятся либо установить контакты с представителями власти, либо приобрести собственную политическую легитимность. До середины нулевых влияние криминала ощущалось через его контроль за отдельными бизнес-структурами и, соответственно, их связями с представителями власти. При этом криминалитет не ограничивался городским бизнесом, но и стремился оказывать влияние на руководство города. В последнее десятилетие, судя по всему, потенциал влияния локальных криминальных группировок снизился. Но попытки взаимодействия криминала с экономическими и политическими структурами по-прежнему имеют место, хотя внешне они выглядят более цивилизованно. Криминал не оставляет попыток проникновения во власть – и через выборы, и «по невидимым каналам».

Выводы. Таким образом, конфигурация наиболее влиятельных акторов городской политики вполне закономерно отражает доминирование двух групп акторов, обладающих наибольшими ресурсами – исполнительной власти (вместе с силовыми структурами) и крупного бизнеса. В этой паре лидирует политико-административная элита, в которой, в свою очередь, определяющую роль играет мэр города. Крупный бизнес, тем не менее, остается заметным фактором городской политики, с которым власти не могут не считаться. В моногородах, где градообразующие предприятия обладают серьезными финансовыми ресурсами и обеспечивают занятость основной массы активного населения, трудно однозначно определить, кто реально сильнее – власть или бизнес. Влияние других факторов городской политики существенно ниже, хотя в силу высокой значимости персонального фактора в российской политике, в том числе – локальной, можно предположить, что роль игроков «второго плана» может варьироваться и изменяться.

ЛИТЕРАТУРА

- Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах

- России, 1991-2001. СПб: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2002.
- Лапина Н.Ю. Бизнес и политика в современной России. М.: ИНИОН, 1998.
  - Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. М.: ИНИОН, 1999.
  - Ледяев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: ИД Высшей школы экономики, 2012.
  - Олейник А.Н. Власть и рынок. М.: РОССПЭН, 2010.
  - Панов П.В. Локальная политика в разных измерениях // Политическая наука. 2008. № 3. С. 9-31.
  - Россия регионов: трансформация политических режимов / общ. ред. В. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. М.: Весь мир, 2000.
  - Рябова О., Витковская Т. Моногорода Среднего Урала: локальные элиты и политические процессы. Екатеринбург. РИО УРО РАН 2011.
  - Сельцер Д.Г. Взлеты и падения номенклатуры. Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2006.
  - Такая разная Россия. Политические процессы в местных сообществах малых городах / под ред. О.Б. Подвинцева. Пермь: ИД «Типография купца Тарасова», 2007.
  - Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М.: Аспект Пресс, 2010.
  - Davies J.S., Imbroscio D.L. Introduction: urban politics in the twenty-first century // Theories of Urban Politics. Second edition / Ed. by Jonathan S. Davies and David L. Imbroscio. London: Sage, 2009. P. 1-14.
  - Dowding K. Explaining urban regimes // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25. № 1. P. 7-19.
  - Ferman B. Challenging the Growth Machine. Neighbourhood Politics in Chicago and Pittsburgh. Lawrence: University Press of Kansas, 1996.
  - Friedrich C. Constitutional Government and Politics. NY: Harper and Brothers, 1937.
  - Holman N. Following the signs: applying urban regime analysis to a UK case study // Journal of Urban Affairs. 2007. Vol. 29.

- № 5. P. 435-453.
17. Hunter F. Community Power Structure. A Study of Decision-makers. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953.
  18. Harding A. Review article: North American urban political economy, urban theory and British research // British Journal of Political Science. 1999. Vol. 29. № 4. P. 673-698.
  19. John P., Cole A. Urban regimes and local governance in Britain and France: policy adaptation and coordination in Leeds and Lille // Urban Affairs Review. 1998. Vol. 33. № 3. P. 382-404.
  20. Logan J., Molotch H. Urban Fortunes: The Political Economy of Place. Berkeley: University of California Press, 1987.
  21. Lynd R.S., Lynd H.M. Middletown. New York: Harcourt, Brace, and World, 1929.
  22. Lynd R.S., Lynd H.M. Middletown in Transition. New York: Harcourt, Brace, and World, 1937.
  23. Miller D.C. International Community Power Structure. Comparative Studies of Four World Cities. Bloomington and London: Indiana University Press, 1970.
  24. Molotch H. The city as growth machine // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 82. № 2. P. 309-355.
  25. Mossberger K. Urban regime analysis // Theories of Urban Politics. Second edition / ed. by Jonathan S. Davies and David L. Imbroscio. London: Sage, 2009. P. 40-54.
  26. Mossberger K., Stoker G. The evolution of urban regime theory. The challenge of conceptualisation // Urban Affairs Review. 2001. Vol. 36. № 6. P. 810-835.
  27. Stone C.N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988. Lawrence: University Press of Kansas, 1989.
  28. Strom E. In search of the growth coalition. American urban theories and the redevelopment of Berlin // Urban Affairs Review. 1996. Vol. 31. № 4. P. 455-481.
  29. Wrong D.H. Power. Its Forms, Bases, and Uses. With a new introduction by the author. Third edition. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2002.